

ЕГОР ГАЙДАР

ГОСУДАРСТВО И ЭВОЛЮЦИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИНСТИТУТА
ГАЙДАРА

Егор Гайдар

Государство и эволюция

«Институт экономической политики имени Е.Т. Гайдара»

1995

УДК 338(47)
ББК 65

Гайдар Е. Т.

Государство и эволюция / Е. Т. Гайдар — «Институт
экономической политики имени Е.Т. Гайдара», 1995

ISBN 978-5-93255-638-2

Книга «Государство и эволюция» читается очень легко, поскольку написана живым, хорошим языком человека, который еще недавно был активнейшим участником всех политических событий и который хочет и умеет отвечать ясно и понятно на непростые вопросы. Несмотря на то что книга впервые была опубликована в 1994 году и после этого Егор Гайдар написал еще несколько очень значимых научных работ, именно она, в каком-то смысле, является его «политическим завещанием» и дает четкие ответы на многие вопросы, перед которыми Россия стоит и сейчас — в первой половине XXI века. Для изучающих экономическую теорию и историю, а также широкого круга читателей. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 338(47)

ББК 65

ISBN 978-5-93255-638-2

© Гайдар Е. Т., 1995
© Институт экономической политики
имени Е.Т. Гайдара, 1995

Содержание

Глава 1	6
1.1	6
1.2	10
1.3	13
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Егор Тимурович Гайдар

Государство и эволюция

© Е.Т. Гайдар, наследники, 2022

© Фонд «Институт экономической политики имени Е.Т. Гайдара», 2022

Памяти В. И. Селюнина

Эта небольшая работа была написана очень быстро – в августе – сентябре 1994 г. Но долгой была подготовка к ней.

У меня давно назрела потребность осмыслить конкретные, в том числе тактические, вопросы нашей сегодняшней политической жизни в более общем контексте как российской, так и мировой истории. Каковы те сущностные проблемы и определяющие социальные инварианты, что скрывает под собой волнующаяся поверхность быстро сменяющихся политических явлений? Какие приливы и отливы рождают эти волны и эту пену?

Одно уже совершенно ясно: в России сегодня делается не политика, а история. За нами исторический выбор, который определит жизнь нашу и новых поколений.

Этот выбор происходит повсеместно и постоянно, отражаясь в спорах об инфляции и неплатежах, проценте межбанковского кредита и военном бюджете, геополитических интересах России и соглашении с НАТО, медицинском страховании, борьбе с коррупцией, политике в области образования, об антисемитизме, об отношениях церкви и государства, в каждой камешке многоцветной мозаики политической жизни нашей страны. А истоки такого выбора тянутся издалека, проходят века истории, и не только государства российского.

Второй исходный пункт моих рассуждений можно определить тем уже общепризнанным утверждением, что сущность происходящих конфликтов связана с переделом собственности, с приватизацией. Более пристальный взгляд на то, что стоит за получившими у нас права гражданства терминами «номенклатурная приватизация», «номенклатурный капитализм», приближает нас к самому ядру подспудных процессов, определяющих суть происходящего.

Хотя изучение этого круга вопросов только начинается, следует отметить, что «номенклатурная приватизация» – явление не уникальное. В определенном смысле перед нами один из основных феноменов мирового социально-политического развития. Корни конфликтов, сотрясающих сегодня наше общество, лежат куда глубже, чем в 1917 г.

Работа над этой книгой помогла мне точнее понять, в чем состоит реальный выбор России сегодня; понять и другое – какие социальные интересы (прежде всего интересы элиты) определяли важнейшие поворотные моменты в русской истории XX в. Если эта работа пробудит собственные размышления читателей, я буду считать, что достиг своей цели.

Я не мог бы написать эту книгу без помощи близких людей и единомышленников, прежде всего моего отца Тимура Аркадиевича Гайдара, а также Л. А. Радзиховского и А. В. Улюкаева. Они прочитали рукопись и сделали ряд важных стимулирующих замечаний, осуществили общее редактирование. Выражаю им глубокую благодарность.

Я посвятил эту работу памяти безвременно умершего Василия Илларионовича Селюнина – не только одного из лучших наших экономистов и публицистов, но и удивительно честного и мужественного политика. Василий Илларионович был настоящим русским человеком, его патриотизм был так естествен, что ему казалось смешно и стыдно вслух об этом говорить. Взгляды, развиваемые в этой книге, как мне кажется, очень близки взглядам Василия Илларионовича на будущее, на перспективы развития нашей страны.

Глава 1

Две цивилизации

Запад есть Запад, Восток есть Восток, и с мест они не сойдут.
*Р. Киплинг*¹

1.1

Отшумели горячие споры 1987–1991 гг. Сегодня мы понимаем, что противопоставление капитализма социализму не является достаточно полным определением нашей исторической коллизии. Необходимо было громко и недвусмысленно заявить, что с социализмом в России покончено навсегда, что наше будущее – на путях рыночной экономики, но ограничиться этим нельзя.

Несомненная правда, что большинство стран с рыночной, капиталистической экономикой (точнее, с элементами такой экономики) пребывает в жалком состоянии, застойной бедности. Народ в этих странах живет куда беднее, чем в России, только вступающей на рыночный путь, хотя миллионеры там есть (как есть и у нас). Сам по себе отказ от социализма еще не гарантирует ни экономического процветания, ни достойных условий жизни, на что надеялись многие в 1990 г., наивно полагая, что достаточно поменять фетиши и можно почти задаром, только за отказ от «коммунистического первородства» получить «капиталистическую похлебку», обменять «Капитал» на капитал. Но в странах третьего мира людей живет куда больше, чем в странах первого мира, а из нашего бывшего второго мира ворота открыты как в один – с его процветанием, так и в другой – с удручающей нищетой. На этот простой и очевидный факт постоянно ссылаются «патриоты», коммунисты и другие критики капитализма. Вот только рецепт – что делать, чтобы страна не опустилась до уровня третьего мира, чтобы по экономическому и социальному развитию Россия прочно заняла место в первом мире, – они выписывают, как говорится, с точностью до наоборот.

Важнейшая для нас сегодня историческая дилемма может рассматриваться как традиционное противопоставление «Восток – Запад». Это одна из главных дихотомий мировой истории, по крайней мере до пробуждения Азии в конце XIX в. С тех пор многие страны Востока (в том числе и самого дальнего) стали умело использовать принципы западной социальной системы. И именно эти страны, как известно, добились наибольшего процветания.

Видный представитель западной философии истории А. Тойнби в своем фундаментальном анализе всемирно-исторического процесса² выделял 21 цивилизацию в истории человечества, из которых под категорию «западная» подпадают лишь две. Однако, опираясь на данную им классификацию, остальные 19 цивилизаций нельзя было бы признать как восточные. Разумеется, я ни в малейшей степени не претендую на попытку подобного описания. Те ключевые признаки, системообразующие факторы, которые я буду использовать ниже, говоря о западных и восточных цивилизациях, имеют более локальный характер. Пусть их недостаточно для объяснения всего многообразия исторических феноменов, но они необходимы для определения стратегических путей развития российского общества и государства.

Прежде всего я воспользуюсь актуальными до сих пор характеристиками Маркса, сделанными им при анализе «азиатского способа производства», потому что эти характеристики,

¹ Киплинг Р. Баллада о Востоке и Западе // Киплинг Р. Избранное. Л., 1980. С. 460.

² См.: Тойнби А. Постигание истории. М., 1991. С. 77–79.

к сожалению, имеют слишком близкое отношение к социально-экономическим реалиям нашей страны. Сам анализ Маркса опирался на мощные, идущие с XV в. европейские традиции осуждения «восточного деспотизма» и осознания себя в противостоянии с Востоком. «Ключ к восточному небу» Маркс видел в отсутствии там частной собственности. «Если не частные земельные собственники, а государство непосредственно противостоит... производителям, как это наблюдается в Азии, в качестве земельного собственника и вместе с тем суверена, то рента и налог совпадают или, вернее, тогда не существует никакого налога, который был бы отличен от этой формы земельной ренты... Государство здесь – верховный собственник земли. Суверенитет здесь – земельная собственность, сконцентрированная в национальном масштабе. Но зато в этом случае не существует никакой частной земельной собственности, хотя существует как частное, так и общинное владение и пользование землей»³.

Земельная собственность – основа основ всех отношений собственности. Отсутствие полноценной частной собственности, нераздельность собственности и административной власти при несомненном доминировании последней, властные отношения как всеобщий эквивалент, как мера любых социальных отношений, экономическое и политическое господство бюрократии (часто принимающее деспотические формы) – вот определяющие черты восточных обществ. Подобные черты присущи странам третьего мира даже сегодня. Именно они прежде всего являются причиной отсталости и застойной бедности, а также залогом того, что эти отсталость и бедность будут сохраняться, воспроизводиться, усугубляться и далее.

Такое положение дел имеет в основе глубокие объективные исторические причины. Всему бесконечно разнообразному неевропейскому Древнему миру и Средневековью чужды четкие гарантии частной собственности и прав граждан, а также подчинение государства обществу. Частную собственность, рынок государство терпит, но не более. Они всегда под подозрением, под жестким контролем и опекой всевидящего бюрократического аппарата. Поборы, конфискации, ущемление в социальном статусе, ограничение престижного потребления – вот судьба даже богатого частного собственника в восточных деспотиях, если он не связан неразрывно с властью. Именно власть здесь главное: она и ключ к тому, чтобы, когда позволят обстоятельства, поднажиться, и она же – единственно надежная гарантия против конфискации. Потеряешь должность – отнимут состояние. Собственность – вечная добыча власти. А власть вечно занята добыванием для себя собственности, в основном за счет передела уже имеющейся.

Кодексы восточных империй – обычно длинные и подробные перечни обязанностей подданных перед государством, своды административных ограничений их жизненной и хозяйственной деятельности, в которые вкраплены немногочисленные права собственника.

«Сильное государство – слабый народ» – принцип легиста и реформатора Шан Яна⁴, концентрированное воплощение идеала восточных государств. Но слабость народа губительно сказывается и на государстве. Это происходит прежде всего в силу ряда важнейших особенностей системы, при которой собственность и власть неразделимы, причем власть первична, а собственность вторична.

Во-первых, отсутствуют действенные стимулы для производственной, экономической деятельности. Лишенный гарантий, зависимый, всегда думающий о необходимости дать взятку предприниматель скорее займется торговлей, спекуляцией, финансовой аферой или ростовщичеством, т. е. ликвидным, дающим быструю отдачу бизнесом, чем станет вкладывать средства в долговременное дело. Что касается главного собственника – чиновника, то его собственни-

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 25. С. 354.

⁴ Шан Ян – ученый и политический деятель, наиболее известный представитель легистов Древнего Китая – сформулировал основные положения Фацзя – философской школы законников; автор легистского канона «Книга правителя области Шан».

ческая позиция является чисто паразитической, а организация сложной экономической деятельности находится вообще за пределами его компетенции и интересов.

Отсюда застойная, постоянно воспроизводящаяся бедность, отсюда же и необходимость мобилизационной экономики, которая, не имея стимулов к саморазвитию, двигается только волевыми толчками сверху. Движение, которое вечно буксует и, предоставленное само себе, мгновенно замирает. Чтобы возобновить процесс, необходимо опять всемерное усиление государства, разумеется, опять за счет ограбления частного сектора.

Во-вторых, крупные переделы собственности становятся практически неизбежными вместе с политическими кризисами, сменой власти – ведь собственность в определенном смысле есть лишь атрибут власти. Получив власть, спешат захватить эквивалентную чину собственности. Если значительной собственностью нельзя завладеть, не занимая сильных властных позиций, то именно запах собственности стимулирует политические катаклизмы. Все новые и новые властные группы и отдельные лидеры готовы штурмовать власть (в том числе и по горам трупов), преследуя не столько политические, государственные цели, сколько цели грубо меркантильные, прикрытые той или иной формой демагогии.

Отношения собственности становятся такими же нестабильными, как и политические. Власть оказывается привлекательной вдвойне: и как собственно власть, и как единственный надежный источник богатства, комфорта. Политические кризисы превращаются в страшные разломы всей социально-имущественной структуры общества. Все это в совокупности опять же не дает обществу развиваться, гоняет его по кругу застойной бедности. А чем беднее общество, тем сильнее стремятся к богатству его лидеры.

В-третьих, само мощное государство на поверку изнутри оказывается слабым, трухлявым. Его разьедают носители государственности – чиновники, не прекращающие охоту за собственностью.

Обычная коррупция быстро приводит к формированию значительных состояний. Чиновники интуитивно стараются стабилизировать свое положение, конвертировать свою власть в собственность. Предоставленные за службу надель наследуются, затем начинают продаваться. Чуть ослабнет власть – назначенный воевода начинает вести себя как независимый князь. Земля, формально государственная, доходы от которой должны обеспечивать государственные нужды, на деле продается и покупается, концентрируется у богатых чиновников.

«Государство – это я» – формула, по которой развивается чиновничья приватизация. Собирать налоги в свой карман, пользоваться государственным имуществом как своим – вот их формула приватизации.

Такая приватизация, естественно, разлагает, ослабляет государство, но отнюдь не меняет его тип. Чиновники и после приватизации остаются чиновниками. Они и не думают «отделиться от государства», прихватив свою собственность. Весь смысл восточной чиновничьей приватизации только в том, чтобы в рамках существующей системы, сохраняя нераздельность власти и собственности при доминировании первой, насытить непомерные аппетиты носителей власти.

В рамках такой «перестройки» существующей системы не происходит формирования института настоящей легитимной частной собственности. Происходит лишь дележ разграбленной государственной собственности государственными чиновниками. Замкнутый круг, в котором вращается восточная цивилизация, не разрывается, начинается новый виток.

Истощенное – государственниками – государство в конце концов рушится. Новый государь – один из соперничающих сановников, или вождь крестьянского восстания, или сосед-завоеватель, или кочевник – вновь восстанавливает эффективность централизованной власти, перераспределяет частные земли, ужесточает контроль за землепользованием. На места покоренных вассалов приходят назначенные начальники. Доходы государства растут. А через пару

поколений чиновники вновь начинают приватизировать государственную собственность. Все повторяется.

Конечно, ярче всего такой династический цикл виден в истории Китая. Но его нетрудно найти и в Египте, и в государствах Средней и Западной Азии.

Для предпринимателя, частного собственника этот повторяющийся цикл не оставляет надежд. В период укрепления империи он под мощным контролем и подозрением, под вечным риском конфискации. Ослабление империи открывает дорогу хаосу, междоусобицам, разбою, чужеземным завоеваниям, когда ничто не гарантировано. В период своей мощи восточная деспотия опасна, при ослаблении – невыносима.

Само понятие реформ в неевропейской древности неразрывно связано с новым возрождением одряхлевшего в предыдущий период государства, но на старых основаниях: ужесточение контроля за земельной собственностью, повышение эффективности бюрократической машины, нажим на группы, не поглощаемые государством, т. е. на знать, частных собственников.

В истории восточные общества возникли за много тысяч лет до западных. Отношения власти реально являются важнейшими для упорядочивания ситуации в любом человеческом обществе, начиная с племени. Отношения власти и подчинения возникают раньше, чем накапливается собственность, чем формируется система отношений собственности. Исторически власть первична по отношению к собственности. Само накопление собственности становится возможным во многом благодаря тому, что власть структурирует, организует человеческую общность и ее деятельность. Естественно, что затем отношения собственности начинают размещаться внутри уже сложившейся «матрицы власти».

Твердо подчиняя собственность власти, восточные общества (не отдельные законы, не династии, а базовая социально-экономическая структура этих обществ) остаются в высокой мере стабильными. Бурные метаморфозы в них начались, пожалуй, лишь в конце XIX–XX в., в процессе массивного взаимопроникновения разных типов цивилизаций.

1.2

Западная система отпочковалась от обществ восточного типа во второй трети 1-го тысячелетия до н. э. в Греции. Возникновение этой системы характеризуется как «греческое чудо» и остается неразгаданной загадкой. Известный исследователь Востока Л. Васильев пишет: «Трудно сказать, что явилось причиной архаической революции, которую смело можно уподобить своего рода социальной мутации, ибо во всей истории человечества она была единственной и потому уникальной по характеру и результатам»⁵.

Лишь в XIX в. «Запад» и «Восток» по-настоящему встретились. Эта встреча показала преимущества западной системы: экспансия в самых разных формах шла с запада на восток и никогда в обратном направлении (пока Япония и другие восточные драконы не ассимилировали важнейшие элементы западной системы настолько успешно, что смогли вступить в конкуренцию с наиболее развитыми странами Запада).

В чем же главный смысл «западной мутации»? О нем мы можем судить хотя бы по позднейшей рефлексии западных исследователей, с изумлением констатировавших отсутствие на Востоке такого краеугольного элемента западной системы, как разработанное понятие свободной от государства частной собственности, прежде всего земельной. Значит, главное в «греческой мутации» то, что отделило ее от восточной прародительницы, – изменение отношений собственности, возникновение развитой системы частной собственности, легитимной юридически и социально-психологически, все более независимой от государства. Частная собственность впервые стала действительно частной, перестав быть одним из атрибутов власти⁶. Позднее отношения частной собственности превратились в нечто самоочевидное и уже стало казаться удивительным то, насколько слабо они представлены в восточных обществах.

В результате постепенно сложилась *система, где само государство не повелитель, а инструмент в руках полиса*. Права гражданина, не подлежащие сомнению, – аксиома. Разумеется, и Греция, и Рим видели немало тиранов, насилия, произвольных конфискаций, но все это уже как поверхностные волны над мощным пластом укоренившихся частноправовых отношений. То, что в восточном мире – естественное право, обязанность власти, здесь – нетерпимая тирания и произвол.

Даже когда Римская империя погибла и завоевавшие ее варвары смешали всю систему сложившихся отношений собственности, частного права, разрушили развитые социальные, административные институты, принеся на остриях своих мечей традиционно восточные социальные установления, античное социальное наследие не исчезло бесследно, а сохранилось (хотя бы в виде ментальной традиции) и затем медленно, упорно модифицировало феодальные установления, право, усиливало процессы приватизации, обеспечивая их идеологическую базу.

Феодальная система, сформировавшаяся в Европе на обломках античной империи, в отличие от нее не заключала в себе ничего уникального для мировой социальной практики. Тенденция к феодализации при ослаблении централизованной власти – хорошо известная черта древних государств. Если мощной централизованной бюрократии не существует, земли дробятся на уделы воинами. Последние стремятся превратить условные владения в полные.

⁵ Васильев В. С. История Востока. Т. 1. М., 1993. С. 17.

⁶ Описывая этот процесс, Л. Васильев отмечает: «Одно несомненно: главным итогом трансформации структуры (традиционных обществ в античной Греции. – Е.Г.) был выход на передний план почти неизвестных или по крайней мере слабо развитых в то время во всем остальном мире частнособственнических отношений, особенно в сочетании с господством частного товарного производства, ориентированного преимущественно на рынок, с эксплуатацией частных рабов (т. е. рабов, принадлежащих не государству, а частным лицам. – Е.Г.) при отсутствии сильной централизованной власти и при самоуправлении общины, города-государства (полиса). После реформ Солона (начало VI в. до н. э.) в античной Греции возникла структура, опирающаяся на частную собственность, чего не было более нигде в мире».

Традиция им в этом помогает. Назначенные управлять областями князья обретают независимость, право наследования. Община рядом с замком рыцаря имеет защиту от разбойников. Он скорее поможет, чем далекий король со своей армией.

Частной собственности на землю в римском или современном смысле этого слова в Средние века нет и быть не может. Землю считают своей, имеют на нее пересекающиеся права и король, и граф, и рыцарь, и крестьяне. Похожие структуры можно найти и в Китае периодов Чуньцю⁷ и Троецарствия⁸, и в Японии при Фудзиваре⁹, и во многих других регионах и эпохах.

Что здесь действительно выделяет Европу, так это многовековая стабильность феодальной системы, а также многовековая «слабость» (гибкость) государственной власти.

С X века, после того как в Западной Европе улеглась последняя крупная волна смуты и перемещений, связанная с завоеваниями венгров, арабов и викингов, на протяжении столетий здесь сохранялись раздробленность государственного устройства и устойчивые феодальные отношения. Проносились династические войны, сшибались отряды королей и феодальных баронов, но это были не глобальные потрясения, они не рвали из социальной почвы корни, срезались только верхушки. Победенных не вырезали поголовно, не уводили в плен. Войны не требовали максимального напряжения всех сил общества, его полного подчинения государству ради выживания нации, не приводили к необходимости концентрации в руках короны прав земельной собственности.

Обобщая, можно сказать, что политические потрясения на Западе в значительно меньшей степени, чем на Востоке, вели к глобальной смене целых слоев собственников, ко все новому перекраиванию собственности.

Одна феодальная семья нередко распоряжается одними и теми же землями и в X, и в XV вв. Феодал XIII в. по психологии и поведению уже не разбойник, не едва севший на землю рэкетиер IX в. Его семья веками связана с крестьянами совместной жизнью, укоренившимися привычками, обычаями, регламентирующими нормы крестьянских обязанностей, их права. Как отмечал Джон Стюарт Милль, «обычай – самый могущественный защитник слабых от сильных»¹⁰. Так складывается основа общества – чувство легитимности (нелегитимности) тех или иных действий человека и государства. Легитимность наполняет воздухом писанные законы, делает их не бумажными, а живыми и соответственно превращает нарушение закона в дело морально трудное и небезопасное. Не будь легитимности, общество действительно стало бы ареной войны всех против всех¹¹.

Отношения частной собственности в Европе оставались легитимными при всех потрясениях. Обычай не только хранитель старого, но и механизм трансформации земельных отношений. Если обязанности крестьян четко определены, то что может препятствовать замене натуральных обложений и отработки денежными выплатами, когда с постепенным восстановлением торговли европейская экономика теряет чисто натуральный характер? Государство не перераспределяет земли между феодалами. Претензии короны на роль верховного собственника земли вне королевского, частного домена со временем обесцениваются. Привычно разделены земли манора¹² на те, которыми распоряжаются крестьяне, и собственно сеньориальные. И там и там постепенно формируются традиции денежной аренды, удлиняются ее сроки. Общин-

⁷ Чуньцю – период (722–481 гг. до н. э.) эпохи Джоу в Китае. Характеризовался междоусобной борьбой между царствами, возникшими на базе раннеджоуских уделов.

⁸ Троецарствие – период в истории Китая (220–280), получивший название по числу трех царств (Вэй, У и Шу), образовавшихся после распада в 220 г. империи Хань. Отмечен борьбой между царствами.

⁹ Фудзивара – высший слой феодальной аристократии, находившийся у власти в Японии в VII–XI вв.

¹⁰ Милль Дж. С. Основы политической экономии. М., 1980. С. 395.

¹¹ Афоризм английского философа Томаса Гоббса (1588–1679), по мнению которого государство возникло как результат договора между людьми, положившего конец естественному состоянию «войны всех против всех».

¹² Манор – феодальная вотчина средневековой Англии. Сложилась в XI–XII вв.

ная земельная собственность шаг за шагом отступает перед частной. Отношения «лорд – слуга» уступают место отношениям «землевладелец – арендатор».

Уже в XIII в. в Англии фримены получают право продажи земли без согласия лорда. Обычай укореняется, на смену смешанному, феодальному праву на землю медленно идет частная земельная собственность.

Именно невсесильность европейского феодального государства – источник формирующейся вне его, рядом с ним сложной, дифференцированной структуры гражданского общества европейского Средневековья. Церковь не подчинена государству, ее мощные иерархические организации, уцелевшие с римских времен, существуют параллельно с ним, создавая альтернативные каналы социального продвижения, ограничивая произвол монарха.

Торговые города возникают под покровительством монарха или сеньора¹³, под защитой укрепленных пунктов, но быстро обретают собственную жизнь, иерархию, развитое самоуправление. Они во многом не похожи на находящиеся под жестким присмотром государства современные им города Востока.

До этого через слой варварских обычаев то там, то сям лишь проступали прикрытые, но не уничтоженные институты античности: римское право, частная собственность, гражданские права и свободы. Феодальное общество открывает их заново, когда в своей многовековой эволюции создает для них социальную базу.

Власть и собственность дифференцируются, расходятся, теряют неразрывность. Освященная традицией собственность уже не конфискуется по произволу, хозяин уже не теряет ее просто из-за того, что не занимает видного места в системе власти. Да и бурное развитие сферы частнопредпринимательской деятельности, в первую очередь торговли, создает иные, чем близость к власти, источники обогащения. Появление развитых рынков дает дополнительные гарантии против злоупотреблений властью, конфискаций. На отток капитала как на ограничитель произвола обращал внимание еще Ш. Монтескье¹⁴.

Обычай отделять собственность от места в структуре власти прокладывает дорогу усложнению социальной структуры, множественности иерархий, не поглощаемых государством. Как самостоятельные, но взаимосвязанные силы действуют само государство, наследственная аристократия, иерархия землепользователей, города и буржуазия, церковь. Именно в этой ситуации возникают предпосылки накопления наследственного богатства, формирования частных капиталов для развития¹⁵.

Лучший стимул к инновациям, повышению эффективности производства – твердые гарантии частной собственности. Опираясь на них, Европа с XV в. все увереннее становится на путь интенсивного экономического роста, обгоняющего увеличение населения.

¹³ Сеньор – в Западной Европе в Средние века феодальный земельный собственник (собственник сеньории), имеющий в подчинении зависимых крестьян (а часто и горожан).

¹⁴ *Монтескье Ш. Л. О духе законов // Монтескье Ш. Л. Избранные произведения. М., 1955.*

¹⁵ Анализ этих предпосылок можно найти у Ф. Броделя: «Общество принимало предшествующие капитализму явления тогда, когда, будучи тем или иным образом иерархизировано, оно благоприятствовало долговечности генеалогических линий и того постоянного накопления, без которого ничего не стало бы возможным. Нужно было, чтобы наследства передавались; чтобы наследуемые имущества увеличивались; чтобы свободно заключались выгодные союзы; чтобы общество разделилось на группы, из которых какие-то будут господствующими или потенциально господствующими; чтобы оно было ступенчатым, где социальное возвышение было бы если и не легким, то по крайней мере возможным. Все это предполагало долгое, очень долгое предварительное вызревание» (*Бродель Ф. Игры обмена. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV–XVIII вв. Т. 2. М., 1988. С. 610*).

1.3

Для нас особенно важно понять, какой была роль феодального государства в генезисе европейского капитализма.

Здесь можно выделить несколько моментов. Уже говорилось, что слабое государство – основа европейского социально-экономического прогресса. Но разве не государство должно гарантировать именно сохранение традиций, возможность мирного накопления из поколения в поколение? Разве не государство гарант того, что не будет насильственного перераспределения собственности? Разве не государство защитник как от внешних грабителей-завоевателей, так и от «своих» феодалов?

Как же возможно решение всех этих жизненно важных для общества задач без сверхмощного государства? (На примере Речи Посполитой хорошо видно, к какой национальной катастрофе может привести слабость государства.)

История недвусмысленно демонстрирует, чем оборачиваются для общества преимущества обладания сильным государством. На Востоке государство «защищало» общество, превратив его в свою часть, а точнее, просто не дав ему развиться, накрыв, зажав, придавив его своим панцирем.

Да, сильное, жесткое государство теоретически дает гарантию защиты прав собственности, защиты от других государств, от феодалов и т. д. Но платить за это приходится непомерно большую цену, ведь государство слишком сильный защитник. И оно не защищает собственника от самого страшного врага, наиболее могущественного, всепроникающего, от самого государства.

Общество должно было накопить силы для того, чтобы безбоязненно принять такого «защитника», как сильное государство. Общество с традициями (в том числе правовыми), с развитой социальной дифференциацией, с глубоко укоренившимся убеждением в независимости человека и его собственности от воли государства с институтами, защищающими эту независимость, такое общество было внутренне готово не сломаться под тяжелой рукой государства, а, наоборот, использовать в интересах своего развития силу государственной машины. Если государство, и только государство, делает собственность легитимной (дает ей законность, правовые основания), рынка не будет. Если легитимность собственности не зависит от государства, если она первична по отношению к государству, то тогда само государство будет работать на рынок, станет его инструментом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.